

**А.Л. КАЗИН**

## **ПРАВОСЛАВНЫЙ СОЦИАЛИЗМ КАК РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ**

***Аннотация:** Статья посвящена философско-культурологическому осмыслению понятия православного социализма как цивилизационной категории. При всей неоднозначности и, порой, антагонистической противоречивости нашей национальной истории, в своей духовной глубине она должна быть понята как единый, непрерывный путь испытания веры через историю и культуру. Конечно, культура вообще есть только одна из сторон единого целого, называемого русской цивилизацией. Её необходимо сохранить в интересах российского народа и всего мира.*

*Главная опасность угрожает России не извне, а изнутри: если деньги у власти, то ей все позволено. Вопрос в том, сумеем ли мы наладить такой культурно-государственный и хозяйственный порядок, где наши недостатки (с точки зрения рыночного ratio) обернутся достоинствами. Речь идет о способности русской цивилизации предложить миру реальную альтернативу «войне всех против всех». Такой альтернативой является православный социализм. У нас есть шансы его осуществить в той мере, в какой мы преодолеем внутренний кризис, вызванный либеральными экспериментами над православной страной. Когда властвующая элита перестанет копировать чужие (и притом бесперспективные) общественные образцы, и будет реализовывать национальную идею с опорой на собственный цивилизационный код — опыт общего дела, который существовал и в московском царстве, и в петербургской империи, и в советской державе. Этот опыт сохранился в сознании, и ещё больше в подсознании, обыкновенного русского человека. Не надо ничего выдумывать, надо только прислушаться к самим себе.*

---

**Казин Александр Леонидович** — доктор философских наук, профессор, и.о. директора Российского института истории искусств, заведующий кафедрой искусствознания Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения (Санкт-Петербург). E-mail: alkazin@yandex.ru.

---

**Abstract:** *The article is devoted to the philosophical and cultural understanding of the concept of Orthodox socialism as a civilizational category. Despite the ambiguity and sometimes antagonistic inconsistency of our national history, in its spiritual depth, it should be understood as a single, continuous way of testing faith through history and culture. Of course, culture in general is only one of the sides of a single whole, called Russian civilization. It must be preserved in the interests of the Russian people and the whole world.*

*The main danger threatens Russia not from outside, but from within: if the day-GI is in power, then everything is allowed to it. The question is whether we will be able to establish a cultural, state and economic order where our lack of wealth (in terms of market ratio) will turn into advantages. This is about the ability of Russian civilization to offer the world a real alternative to the “war of all against all”. This alternative is Orthodox socialism. We have a chance to implement it to the extent that we overcome the internal crisis caused by liberal experiments on the Orthodox country. When the ruling elite will begin to copy other people’s (and moreover unpromising) social models, and will implement the national idea based on its own civilizational code—the experience of a common cause, which existed in the Moscow Kingdom, in the St. Petersburg Empire, and in the Soviet power. This experience has been preserved in the consciousness, and even more in the subconscious, of the ordinary Russian person. You don’t have to invent anything, you just have to listen to yourself.*

**Ключевые слова:** *русская история, культура, православие, традиция, революция, православный социализм, мировой кризис.*

**Keywords:** *Russian history, culture, Orthodoxy, tradition, revolution, Orthodox socialism, world crisis.*

**Постановка проблемы.** Будущее непредсказуемо, об этом ещё раз напомнили события первой половины 2020 г. с их пандемией, уличными боями в «стране мечты» США и др. История скорее случается, чем происходит — этот афоризм Н.А. Бердяева, адресованный матушке-России, сегодня с очевидностью применим ко всему миру. Однако есть определенный *диапазон возможностей*, ограничивающий мыслимое будущее и делающий его более или менее вероятным. Одной из таких возможностей, и даже вероятностей, для нашей страны является *русский православный социализм*, опирающийся, с одной стороны, на давнюю традицию «общего дела», и осваивающий, с другой стороны, новейшие технологии именно в интересах этого общего — страны, народа.

Традиция в русском цивилизационном пространстве — прежде всего, народное восприятие/переживание (чаще всего бессознательное) той христианской по истоку духовной энергии, которая не покидала Россию со

времен Крещения и до сегодняшнего дня, вопреки всем изломам и драмам нашей национальной истории. *А революция* (подлинная, настоящая) — есть попытка *уничтожить* это духовно-энергетическое ядро, заменить его чем-либо другим или просто забыть о нём. Попытаемся рассмотреть их противоречивые взаимоотношения в связи с понятием *социализма* — ещё одного ключевого слова нашей жизни XX-XXI веков.

**Что такое православный социализм?** Слово сочетание «православный социализм» включает в себя, по меньшей мере, три смысла: собственно, религиозный, мировоззренческий и социальный. Начнём с первого.

Любая религия предполагает, наряду с Абсолютом — источником блага и бытия — набор практических уложений, регулирующих поведение человека/народа/цивилизации в земной жизни. Заповеди, предназначенные для общенародного исполнения, в традиционных (классических) цивилизациях являются религиозными основами общественного и национального существования. Таково, например, почитание предков в конфуцианстве, кастовое устройство общества в индуизме, идеальное государство Платона (на практике, правда, не удавшееся).

Приведём примеры. Существует 613 заповедей Моисея, и по субботам, как известно, социальная жизнь в Израиле почти замирает. По-своему (вплоть до исламского банкинга) заповеди пророка осуществляет мусульманская умма. Тысячи богословов Востока день и ночь думают, как наилучшим образом жить народам в соответствии с богоданными законами. Не случайно святой равноапостольный князь Владимир спрашивал при «испытании вер»: какой у вас закон? Закон Бога (правило, норма) в дохристианских и нехристианских исповеданиях — есть их религиозный «социализм», т.е. совокупность уложений, обязательных для каждого члена соответствующей общины и всей общины в целом (за отказ от них, по меньшей мере, грозило изгнание). Всякая цивилизационная, развернутая по вертикали, деятельность человека, в конечном счете, религиозна, даже еда и питье, в чем сомневаются только «исторические материалисты».

Однако христианство радикально обновило эти древнейшие вероисповедные правила. В отличие от языческих и «имманентистских» религий, фактический идеал которых здесь, на земле, и достигается исполнением закона, Христос пришел с благой вестью о Царстве Небесном, достижимом любовью и благодатью. Цель христианства трансцендентна, а не имманентна, она находится за гробом, по ту сторону сущего. В этом плане прав Розанов: христиане, действительно, представляют собой «людей лунного света», града земного не имеющие, града грядущего взыскующие.

Каждый, кто хотя бы раз читал Евангелие, знает, чем оно кончается — Страшным Судом и концом света, а вовсе не хилиастическими «молочными реками о кисельных берегах». Тысячелетнее царство праведников — не земное царство, а небесный Иерусалим. С этой точки зрения, любое прагматическое социальное устройство ветхого Адама «мелко плавает» на фоне грозного финала изгнанников рая, и более того, идейно противоречит ему. «Не собирайте себе сокровищ на земле» — прямо сказано. История богатого юноши, отказавшегося следовать за Богочеловеком, казалось бы, навсегда должна отучить христиан размышлять о том, как бы удобнее устроиться в этом падшем мире. Христианство — это подвиг, духовный и телесный, это прорыв к Новому небу и Новой безгрешной земле. Первых христиан травили львами, они уходили в пустыню и питались акридами — какой уж тут социализм? Разве что катакомбный...

Исходя из сказанного, православный социализм следует признать религиозной мечтой, своего рода мифом о земном рае, когда все люди станут христианами и будут жить по-христиански, как лично, так и соборно (общинно). Образ этой мечты — деяния апостолов и ранние христианские братства, когда пришествия Христа во славе ждали со дня на день и имели всё общее. В последующей христианской истории приближение к «православному социализму» осуществлялось, прежде всего, в общежительных монастырях, киновиях, от Пахомия Великого и Феодосия Печерского до Сергия Радонежского и Иосифа Волоцкого. Если в религиях бытия, например, в иудаизме, исламе, предполагается относительная реализация идеала в натуральной плоти (племенной и национальной), то благовестие Христа требует преобразования плоти, преодоления её наличного (похотливого и смертного) состояния, для чего безличная (пусть даже освященная) традиционная социальная практика оказывается скорее препятствием и соблазном, чем условием (фарисейство). Некоторые националисты даже выводят отсюда, что христианство есть иудейская выдумка для того, чтобы ослабить соперников в борьбе за власть над миром.

Любопытно, что когда К.Н. Леонтьев в 70-х годах позапрошлого века громко напомнил эту, казалось бы, самоочевидную мысль о загробной цели христианства, на него обрушились многие православные авторы. «Христианство есть спасение жизни, а не спасение от жизни» — говорили ему, как будто он лично предсказал, что «восстанет народ на народ, и царство на царство», и «по причине умножения беззакония во многих охладет любовь» (Мтф. 24). И хотя последние годы этого замечательного мыслителя прошли в тяжелом пессимизме относительно судьбы человечества вообще и России в особенности, всё же он до конца жизни разрабатывал свою концепцию спасения православно-русской цивилизации,

которую можно назвать не то что «социализмом», а прямо соборно-монархическим коммунизмом. Сознывая религиозную утопичность своей деятельности, Леонтьев, тем не менее, считал долгом по возможности отдалить, оттянуть торжество антихриста. Я приведу слова из его работы «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», в которой Леонтьев предлагает свой план спасения Святой Руси от антихриста путем *соединения православной монархии с идеальным корпоративно-общинным строем*.

Леонтьев пытался «задержать народные толпы на (неизбежном, впрочем) пути к безверию и разнородному своеверию» [1, 146-151]. Разумеется, никто не предлагает буквально перенести его рекомендации в наш XXI век. Однако это хороший урок для нас, особенно при обсуждении вопроса, что такое православный социализм. С точки зрения строгой христианской догматики – химера и утопия, но в плане естественного для верующего человека/народа стремления к совпадению слова и дела – *посылный, хотя, разумеется, несовершенный проект совместной (национальной, государственной, культурной) христианской жизни людей в миру, а не только в монастыре*. Хотя Гоголь и восклицал в своё время: «Монастырь наш, Россия!». Конечно, все христианские конфессии, и тем более секты, проектировали свой «земной рай», от «двух градов» бл. Августина и католической «Утопии» Томаса Мора до «теологии освобождения» и либерально-протестантских сект.

Недавно отмечалось 500-летие Яна Гуса и его «таборитов» – что это, как не ранний «предпротестантский социализм»? Лютеранство, в свою очередь, породило социальную философию немецкого идеализма, от идеи «вечного мира» Канта до гегелевского апофеоза государственности, которую профессор усмотрел в современной ему Пруссии (позднее тут появился и Бисмарк со своим «прусским социализмом»). Я уже не говорю о многочисленных европейских попытках учредить тот или иной «Город Солнца» под знаменем религиозной праведности. Перед глазами у нас, жителей XXI века, находится шведский социализм – поистине «последняя правда буржуазности».

*Всё это осталось утопией, потому что было основано на ложной – католической или протестантской вероисповедной установке и порождаемых ею мировоззренческих фантомах*. Строилось на стихиях мира сего, а не по Христу. Выражаясь более категорично, это были «человеческие, слишком человеческие» усилия установить рай на земле средствами европейской буржуазной цивилизации, уже вступившей на нисходящий путь антропоцентрического модерна. Как характерно выразился по поводу Европы Петр Чаадаев, «искали Бога, нашли свободу и процветание». К сожа-

лению, Чаадаев периода «Философических писем» ещё не сознавал, что тем самым гуманистическая ренессансно-романтическая Европа покончила с христианством (это, между прочим, прекрасно понял его друг Герцен, возненавидевший мешанскую Европу, как только в ней оказался, и метко назвавший собор святого Петра знаком *расстрижения* Запада).

**Православный социализм в России.** Иначе произошло в России. «Москва-Третий Рим» – религиозная реальность, а не виртуальный двор короля Артура и не бесплодное соперничество гвельфов с гибеллинами. Напротив, «Священная Римская империя германской нации» – главным образом военно-политическая структура. И сказать «государство – это я!» не пришло бы в голову ни одному русскому царю. Не буду повторять здесь аргументацию отечественной православной мысли, от старца Филофея до XXI века: Святая Русь не перестала быть таковой ни с ордынцами, ни с Петром, ни с Лениным. Её духовная история непрерывна, вопреки трагическим псевдоморфозам вроде февральского предательства или троцкистского интернационал-коммунизма.

Незримая миру энергия православия уберегла Россию от модернистского и постмодернистского вырождения в холодное чудовище, рисующее карикатуры на пророков и законодательно поощряющее содом [3]. Именно такая Россия (в государственной форме СССР) победила оккультный нордический рейх и первой вышла в космос. Как писал в 1993 году блаженной памяти митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Иоанн, «при всей противоречивости народной жизни в её безмерном разнообразии, она все же насквозь пронизана христианским мировосприятием. Его характернейшие черты: жертвенность, самоотверженность, терпение, позволили нашему народу пережить страшные испытания последних восьми десятилетий, помогают и сейчас нейтрализовать, обезвредить злонамеренные эксперименты над страной. Это неоспоримый факт, очевидная реальность нашего бытия» [4, 33].

Сказанное означает, что «христианского капитализма» в России не может быть, также как и «христианской демократии» – для этого Русь слишком глубоко приняла в себя Спасителя. У русских именно православное, а не протестантское отношение к труду, к прибыли, ко времени: они рассматривают эти ценности *не как собственность, а как дар*. В отношении к собственности как Божьему дару («земля – богова») издавна коренилась драма русского купечества и предпринимательства: отсюда и знаменитая купеческая гульба, и миллионы на монастыри или... на революцию.

Даже нынешние «новые русские» в глубине души знают, что они «разбойники»: большинство из них вовсе не собираются строить в России

цивилизированный капитализм, а переводят деньги на Запад. В метафизическом смысле национальная буржуазия в России как бы подвешена между храмом и тюрьмой, во всяком случае, вплоть до настоящего времени капитал («бешеные деньги») переживается в России как неправда, как грех: «от трудов праведных не наживешь палат каменных». Отсюда и чудовищная коррупция, которая в ближайшие годы способна уничтожить нашу государственность.

Нравится нам это или нет, Россия не испытала в полной мере Возрождения, Реформации и Просвещения, через которые прошла романо-германская цивилизация. Одним из существенных отличий православно-русского культурно-исторического типа является отсутствие *соглашательства* (компромисса) между религиозными полюсами жизни. В отличие от Запада русская духовность делит мир не на три (рай – мир – ад), а на два (рай – ад), а все земное как бы растянуто между божественным и бесовским; особенно это касается богатства, власти и культуры. Духовная вертикаль, как впрочем, и европейско-азиатская горизонталь русского сознания, по этой причине всегда имеет некоего «темного спутника» в виде мозаичной, не выстроенной, пренебрегаемой поверхности наличного бытия, служащего как бы гарантом земного неблагополучия России, её нежелания и неспособности *удобно* устроиться на земле («странничество»). «Евангелие процветания» по-русски звучит неприлично, вроде «христианского блуда». Отечественные «капиталисты», от Чичикова и Штольца до нынешних компрадоров, всегда представляли капитал именно как силу мировой похоти («оргон»), вожделеющей телесного обладания сотворенной Богом вселенной...

Из всего сказанного вытекает, что либерализм западного типа в России является искусственным образованием и изначально обречен на неудачу. Подобную функциональную, машинообразную власть в России никто не будет уважать, люди не станут исполнять ее законов. Быть может, Россия вообще не способна к республиканскому строю: на протяжении всей своей истории она колебалась между самодержавием и самозванством (диктатурой). По-видимому, наилучшей общественной формацией для России является *православная народная (соборная) монархия с открытым сословно-корпоративным устройством государства и широким народоправием земли (земщина)*. Это и есть православный социализм.

Только такое социальное устройство, в принципе, в состоянии справиться с антиномичностью русского душевного строя, где истина, собственность, власть постоянно располагаются на рубеже света и тьмы, «правого» и «левого», и потому чреваты историческим оборотничеством (тем

или иным видом «земного рая»). Русская цивилизация требует иной формулы, чем европейская, индийская, китайская или американская, и потому нынешняя (уже вторая) попытка построить капитализм (банкократию) на православно-эсхатологической почве России может привести лишь к всеобщей цинизации её жизни, что чревато серьезной опасностью для всего мира. Выбор между американизированным «мировым обществом» и обветшавшим красным мавзолеем – ложная альтернатива для России. Формирование гражданского общества здесь может быть ориентировано только на иерархическую организацию, в которой народ («земля») внутренне связан с монархической державностью власти, (независимо от того, как будет называться носитель этой власти).

Именно это имел в виду К.Д. Кавелин, когда писал (правда, со ссылкой на славянофила Ю.Ф. Самарина), что «сама история заставляет нас создать новый, небывалый своеобразный политический строй, для которого не подыщешь другого названия, как – самодержавной республики» [5, 995-1020], в рамках которой гражданские сословия, хозяйственные классы и политические партии определяются по отношению к духовно и социально превосходящему целому. Человеку нужен хлеб, но не хлебом единым он жив. Обществу нужны деньги, но нет ничего опаснее для России, чем власть денег. Мы находимся под мощной – внутренней и внешней – демонической инволюцией (см. прим. 1).

Таким образом, православный социализм – единственно возможный и желательный национальный проект для России. Более того, именно такого – цивилизационно альтернативного («иначе возможного», как сказал бы А.С. Панарин) шага ждет от неё незападный мир (да и немало людей в Европе). Это не химера и не «розовое христианство», а трезвая констатация её духовной судьбы. Русская идея есть осуществленная и осуществляемая отечественная история, и плод её, подобно зерну, растёт медленно и прикровенно. Она всегда *уже-но-ещё-не*. Не претендуя на *исполнение* рая на земле, как противоречащее самой сути христианской веры, православный социализм есть ценностный *символ русского пути*, каким он являет себя в действительности уже тысячу лет. Первична здесь не «общественная собственность на средства производства» (она может быть и государственной, и групповой, и частной), а соборная – церковная и государственная. Это – установка на смысл народной жизни, которая на индивидуальном уровне часто не осознается.

Православный социализм реализуется как *направление и предел*, а не достигнутый раз и навсегда материальный результат («хорошая жизнь» или «хорошее общество» в обывательском значении этого слова). Всё, что способствует описанному состоянию/движению России – хорошо; всё,



что препятствует ему — плохо. В таком понимании православный социализм и есть наша искомая государственная идеология XXI века, которая не должна зависеть ни от откровенных агентов антицеркви, ни от высокомерных «уранопатриотов» (см. прим. 2). Точкой отсчета в любом случае остается выбор «большого народа».

В отличие от советского социализма, это должна быть гибкая система взаимосвязей частных, групповых и государственных видов собственности, при доминировании, в конечном счете, общенациональных интересов («общего дела», по выражению Н.Ф. Федорова). Народный многоукладный социализм — одновременно идеология и хозяйственная практика, которая в состоянии гарантировать российское будущее в современном тревожно-нестабильном мире. Социалистический характер подобного общества определяется верховенством государства как общенародной политической организации, по отношению к которой все формы экономических отношений (в том числе спекулятивно-финансовых) вторичны. Частная собственность и товарный рынок функционируют свободно, но в рамках общих (соборных) ценностей и целей, и могут быть ограничены в правах в случае противоречия указанным целям. В таком обществе «деньги от власти», а не «власть от денег».

Соответственно, правящая элита такого общества является «служилым классом», ответственным перед верховной властью и Церковью как носителями ценностно-смыслового ядра нации. Свои семьи и капиталы такая элита располагает на Родине. Прямые или косвенные попытки сбросить с себя заботу о народе (отказ от социальной и национальной ответственности капитала и таланта) не принимаются. Любые другие проекты «наших плюралистов»: либерально-западнические, ортодоксально-коммунистические, язычески-националистические — суть утопии, снова подставляющие Россию под удары внутренних и внешних чуждых сил.

Подводя итог, следует заметить, что капиталистическая система вообще, а современная система спекулятивной банократии, в частности, есть самая антихристианская. Как писал в свое время Н.А. Бердяев, коммунизм прав в своей критике капитализма. Другое дело, что советский эксперимент рухнул, потому что ориентировался на марксистский материализм, опускающий духовую планку человека и общества до производственно-потребительской активности. Народный социализм будущего будет лишен этих недостатков, так как его опорой станет вечная истина христианства, подкрепленная опытом великой и трагической русской истории. Не повторяя прошлых ошибок и крайностей, надо взять от неё лучшее, что в ней было. Во всяком случае, к этому следует стремиться.

*ЛИТЕРАТУРА*

1. *Леонтьев К.Н.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // К. Леонтьев, наш современник. – СПб., 1993. – С. 25-46.
2. *Леонтьев К.Н.* Над могилой Пазухина // К. Леонтьев, наш современник. – СПб., 1993. – С. 450-501.
3. *Казин А.А.* Последнее царство. Русская православная цивилизация. – СПб.: Издательство Спасо-Преображенского Валамского монастыря, 1998. – 170 с.
4. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн. Битва за Россию. – СПб., 1993. – 176 с.
5. *Кавелин К.Д.* Собрание сочинений. В 2-х тт. Т. 2. – СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1897. – 672 с.

*Примечания*

1. Термин «инвольтация» употребляется чаще всего для обозначения обряда «насылающей порчи». Термин впервые возник в оккультных кругах в середине века. В современной литературе под инвольтацией понимается часто способ заклинания, заговора, колдовства, а также приобретение определённой власти над чьим-либо телом и сознанием, внушение кому-либо мыслей и чувств с помощью магических действий.
2. Уранополитизм (от греч. Uranos – небо, polis – город) – учение, признающее главенство Божественных законов над земными или подчёркивающее примат любви к небесному Отцу и Его небесному Царству над всеми естественными и греховными устремлениями человека.

*Поступила в редакцию 01.05.2020 г.*